

Именно указанная *радость* выступает как форма союза человека с "матерью-землей", с природой. При этом существенно, что в данном случае мифологические категории *радости* и *природы* оказываются *независимыми* от "парных" категорий *Бога* и *дьявола*, определяющих сущность человека. Этот факт настолько важен, что на него стоит обратить особое внимание.

Последние строки цитируемого Дмитрием фрагмента из гимна Шиллера сообщают, что радость

"<...> Нам друзей дала в несчастье,  
Гроздий сок, венки харит,  
Насекомым – сладострастье...  
Ангел – Богу предстоит" (14; 99).

Последние две строчки несут особенно глубокий смысл, их можно понять как противопоставление радости, дающей насекомым сладострастье, и Бога, пред которым предстоит ангел. По контексту этого противопоставления можно заключить, что ангел *не имеет* той радости, которой обладают все божьи творенья. Отметим, что, используя стихотворное произведение Шиллера в известном переводе Ф. Тютчева, Достоевский вносит небольшие изменения в текст. Во-первых, он меняет порядок строф – в оригинале вторая строфа, начинающаяся словами "У груди благой природы" и заканчивающаяся словами об ангеле, предшествует первой. По-видимому, это изменение было необходимо, чтобы строки, противопоставляющие насекомое и ангела, оказались в конце, и именно на них падал смысловой акцент. Во-вторых, Достоевский заменяет запятую, которая разделяет эти строки в переводе Тютчева на многоточие. Смысл этой замены также совершенно очевиден – устранить связь между строками и, наоборот, противопоставить их.

В самом стихотворении противопоставление насекомого и ангела и, значит, радости и Бога все-таки не вполне очевидно, но последующие слова Дмитрия уже не оставляют сомнения в правильности такой интерпретации этих слов. «Я тебе хочу сказать теперь о "насекомых", вот о тех, которых Бог одарил сладострастьем <...> Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит» (14; 99–100). Поскольку Дмитрий мифологически олицетворяет человека как такового, этой фразой сладострастие насекомого приписывается всем людям, в том числе и Алеше, который пока просто не осознал и не выявил его в себе. Впрочем, в рассматриваемый момент романного времени он уже ощущает это слагаемое своей души и готов к тому, что оно скоро станет частью его жизни: буквально на следующей странице романа, в продолжении того же разговора, Алеша в ответ на рассказ Дмитрия о его прошлой жизни, о тяге к разврату и жестокости веско замечает: "Я не от твоих речей покраснел и не за твои дела, а за то, что я то же самое, что и ты. – Ты-то? Ну, хватил немного далеко. – Нет, не далеко, – с жаром проговорил Алеша. (Видимо, эта мысль давно уже в нем была). – Всё одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху, где-нибудь на тринадцатой. Я так смотрю на это дело, но это всё одно и то же, совершенно однородное. Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот всё равно непременно вступит и на верхнюю. – Стало быть, совсем не вступать? – Кому можно – совсем не вступать. – А тебе – можно? – Кажется, нет" (14; 101). Присутствие таких возможностей в герое замечают многие; не случайно Грушенька говорит Ракитину, что когда-нибудь "съест" Алешу.

Итак, чтобы стать полноценным человеком, Алеша должен найти в себе радость, в том числе в той форме сладострастия, которая определяет существование его брата. Но это еще не всё. Алеша назван ангелом лишь в переносном смысле – в начале их разговора Дмитрий прямо говорит о нем, как о "земном ангеле", который есть совсем иной, чем настоящие, небесные ангелы. Настоящие ангелы предостоят Богу, но не имеют отношения к дьяволу, человек же несет в себе и то, и другое начало. Алеша – земной ангел, т.е. невинный человек, "младенец", потому что он пока нашел только